

Кукуй Илья Семенович

Университет Людвиг-Максимилиана,
Германия, 80539, Мюнхен, Гешвистер-Шолль-Плац, 1
kukuj@slavistik.uni-muenchen.de

Литературоведческий комментарий и литературный перевод как не прямое высказывание (к «маргиналиям» А. Н. Егунова)

Для цитирования: Кукуй И. С. Литературоведческий комментарий и литературный перевод как не прямое высказывание (к «маргиналиям» А. Н. Егунова) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 1. С. 41–59. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.104>

Переводческая и научная деятельность А. Н. Егунова (1895–1968), как известно, была сконцентрирована на античности и ее рецепции в русской культуре. Однако в архиве Егунова сохранились два документа, свидетельствующие об интересе ученого к немецкой литературе — перевод стихотворения Ф. Гёльдерлина «Griechenland» («Греция») и статья «Литературные реминисценции в „Вешних водах“», относящаяся ко времени работы Егунова в рабочей группе Пушкинского Дома по изданию академического собрания сочинений И. С. Тургенева. Данная статья ставит своей целью прояснить биографический и литературный фон обращения Егунова к «немецкой теме» и вскрыть подтекст этих произведений, выходящий за узкие рамки переводческой и литературоведческой деятельности и по-разному тематизирующий проблему личной и культурной памяти. Анализ особенностей перевода из Гёльдерлина — единственного поэтического перевода Егунова — показывает, что он может быть прочитан не только как след занятий Егунова немецкой литературой или его пребывания на немецкой территории в качестве гастарбайтера во время Второй мировой войны, но в первую очередь как обращение к коллегам и друзьям Егунова по кругу переводчиков АБДЕМ, как ностальгия не столько по древней Греции, сколько по времени совместных занятий абдемитов по переводу и осмыслению наследия классической культуры в конце 1920-х — начале 1930-х годов. В статье о реминисценциях Тургенева Егунов — возможно, также в качестве своеобразной реминисценции — затрагивает специфику своей личной поэтики: под псевдонимом «А. Николев» до нас дошли роман «По ту сторону Тулы», поэтический сборник «Елисейские радости» и поэма «Беспредметная юность», отличающиеся необыкновенно плотной интертекстуальностью. Наблюдения Егунова о схожих явлениях в повести Тургенева и разграничение им намеренных отсылок от «нечаянных» реминисценций позволяют расширить наши представления о природе художественного мира поэта А. Николева на основе литературоведческих исследований филолога А. Егунова.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, Ф. Гёльдерлин, И. С. Тургенев, литературный перевод, интертекстуальность.

В архиве¹ филолога, переводчика и поэта Андрея Николаевича Егунова (1895–1968) сохранились машинописи двух произведений, не опубликованных при жизни автора. Одно из них, перевод стихотворения Фридриха Гёльдерлина «Греция», было напечатано спустя почти тридцать лет после смерти Егунова [Гёльдерлин 1997]; второе — статья «Литературные реминисценции в „Вешних водах“» — до сегодняшнего дня оставалось неизданным. Эти произведения, несмотря на их кажущуюся периферийность, занимают в наследии Егунова важное место: жанры литературного перевода и литературоведческой статьи служат здесь автору платформой для указания на то, что не могло или не предполагалось быть высказанным в прямой форме. Тем самым эти тексты приоткрывают нам внутренний мир не только переводчика и филолога А. Н. Егунова, но также поэта и писателя А. Николаева — именно под этим псевдонимом Егунов опубликовал свой роман «По ту сторону Тулы» [Николев 1931], а в 1960-е годы восстановил для своего круга по памяти поэтический сборник «Елисейские радости» и поэму «Беспредметная юность»².

Как филолог и переводчик Андрей Николаевич Егунов известен прежде всего своими трудами в области античной литературы. Его переводы платоновских «Законов», «Государства» и «Федра» близки к статусу канонических; в кружке переводчиков АБДЕМ, в который Егунов входил наряду с А. В. Болдыревым, А. И. Доватуром, А. М. Миханковым и к которому были близки также Э. Э. Визель и К. К. Вагинов, «стилистическое первенство безусловно принадлежало Егунову» [Гаврилов 1997, с. 85]. Сергей Завьялов, охарактеризовав Егунова как одного из «наиболее глубоко и изысканно образованных из всех русских поэтов за всю историю нашей литературы» [Завьялов 2003, с. 194], в своей рецензии на републикацию книги Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков» (1964; переизд. 2001) делает следующее наблюдение: «Среди русских поэтов кроме Егунова еще только двое получили профессиональное классическое образование: Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский. Иванов перевел лириков от Алкмана до Вакхилида, а также трагедии Эсхила, Анненский — Еврипида. В переводческом наследии Егунова нет ни строчки стихов, за исключением небольших цитат внутри прозаических текстов. <...> Отсутствие поэтических переводов — факт симптоматичный, требующий истолкования» [Завьялов 2003, с. 194].

Перевод из Гёльдерлина является не учтенным Завьяловым исключением из этого правила, поэтому поставленная исследователем проблема должна быть скорректирована следующим образом: почему единственным известным нам поэтическим переводом Егунова является именно это стихотворение? Почему именно Гёльдерлин и почему именно «Греция»?

Казалось бы, ответ лежит на поверхности. Егунову несомненно была близка тоска Гёльдерлина по античной культуре, и переведенное им стихотворение можно считать программной манифестацией той ностальгии по древней Греции, которая

¹ Частное собрание В. В. Сомсикова. Благодарю владельца архива за возможность ознакомиться с его содержанием и за разрешение на публикацию статьи А. Н. Егунова «Литературные реминисценции в „Вешних водах“» (см. приложение).

² Все литературные произведения Егунова были впервые опубликованы отдельным изданием: [Егунов 1993]. Научное комментированное издание поэмы «Беспредметная юность» было осуществлено М. Маурицио [Маурицио 2008]; отдельное издание «Елисейских радостей» см.: [Николев 2001].

так хорошо знакома нам по сочинениям К. Вагинова. Егунову как переводчику Платона и знатоку немецкой литературы, безусловно, было также известно, какую роль Диотима из Мантинеи, персонаж платоновского «Пира», сыграла в жизни и творчестве Гёльдерлина. (Без ссылки на Диотиму и «Пир» не обходится и статья Егунова о Тургеневе.) Следует, однако, учесть, что вплоть до последней трети прошлого столетия Гёльдерлин был хоть и известной в России величиной, однако почти неизученной и мало переведенной. Первое отдельное издание Гёльдерлина 1931 г., трагедия «Смерть Эмпедокла», вышло в свет в том же издательстве «Academia», что и на год позже «Эфиопика» Гелиодора в переводе абдемитов. Не исключено, что интерес Егунова к Гёльдерлину был пробужден исследованиями философа-античника Якова Голосовкера, переведшего «Смерть Эмпедокла»: в 1961 г. была опубликована статья репрессированного Голосовкера о Гёльдерлине [Голосовкер 1961], и Егунов, работавший в то время в секторе взаимосвязей русской и иностранной литератур ИРЛИ, вне всякого сомнения, был с ней знаком, как и с монографическим исследованием К. Протасовой [Протасова 1962] и статьей Н. Берковского [Берковский 1962]. Первое в СССР отдельное издание лирики Гёльдерлина, подготовленное А. Дейчем [Гёльдерлин 1969], вышло в свет уже после смерти Егунова; вряд ли он успел ознакомиться и с книгой Дейча [Дейч 1968], часть которой была посвящена Гёльдерлину.

Машинопись перевода Егунова не датирована, однако есть все основания предполагать, что перевод был сделан в первой половине 1960-х годов. Кроме уже упомянутых исследований начала 1960-х, появившихся в СССР после долгого перерыва и ознаменовавших новый этап в освоении творчества немецкого поэта³, причиной обращения к Гёльдерлину могла быть работа Егунова по переводу платоновского «Федра», который вышел в свет в 1965 г. [Платон 1965]. Первая строфа стихотворения Гёльдерлина «Греция» фактически повторяет диспозицию одной из начальных сцен «Федра» — описание Сократом платанов на берегах Илисса. Кроме того, Егунов в то время работал над комментариями к повести Тургенева «Вешние воды» и отслеживал интертекстуальные пересечения этой повести с немецкой литературой [Тургенев 1966, с. 475]. Если косвенная связь перевода Гёльдерлина с этой деятельностью лишь предположительна, то статья о литературных реминисценциях в «Вешних водах», посвященная преимущественно немецкой литературе, несомненно, берет свое начало именно там⁴.

Прежде чем обратиться к этой статье, рассмотрим ряд особенностей стихотворения Гёльдерлина и его перевода Егуновым. Стихотворение посвящено безвозвратно ушедшей платоновской эпохе и полнотем «прекрасным стремлением к гибели»⁵, которое становится главной определяющей линией в неоромантическом прочтении Гёльдерлина в эпоху модернизма. Это стремление обусловлено безвозвратностью ухода «тех золотых времен» [Гёльдерлин 1997, с. 268], что подчеркивает прежде всего последовательное сослагательное наклонение стихотворения.

³ О рецепции Гёльдерлина в СССР см.: [Чуловский 2013].

⁴ Исследование интертекста «Вешних вод» см. также в: [Егунов 1968].

⁵ «Das wunderbare Sehnen dem Abgrund zu» (F. Hölderlin «Stimme des Volkes» [Hölderlin 1951, S. 49]). В первое отдельное издание Гёльдерлина в СССР вошел ранний вариант этого стихотворения в пер. Е. Эткинда, состоящий из восьми строк [Гёльдерлин 1969, с. 92–93] и лишенный указанного образа.

Тем же самым «стремлением к гибели» вызвана и декларативная танатопэтика стихотворения, ярче всего выраженная в императивном обращении к адресату: «Да, умри; — свою стихию тщетно, / благородный дух, ты ищешь тут» [Гёльдерлин 1997, с. 268]. Интересно, что поэт и издатель Готхольд Штейдлин, которому было посвящено это стихотворение, словно последовал призыву и через год после публикации действительно покончил с собой, о чем Егунов сообщает в примечании к переводу [Гёльдерлин 1997, с. 267].

Стихотворение дошло до нас в трех версиях. Более поздняя была опубликована Ф. Шиллером в журнале «Новая Талия» в самом начале 1795 г., более ранняя — несколькими месяцами спустя И. Эвальдом в журнале «Уралия». Промежуточная версия сохранилась только в одном неавторизованном списке и не играет в эдичионной судьбе стихотворения важной роли. Поскольку более ранняя версия при жизни Гёльдерлина была опубликована позднее, среди публикаторов до выхода так называемого «штуттгартского» собрания сочинений [Hölderlin 1947] не было единого мнения о том, какую именно версию следует считать последней. Так, в первом томе историко-критического собрания сочинений Гёльдерлина под редакцией Н. фон Хеллинграта [Hölderlin 1913] была опубликована более ранняя версия, в издании Ф. Цинкернагеля [Hölderlin 1922] — более поздняя, а в издании В. Бёма двумя годами позднее [Hölderlin 1924] — обе. Большинство внесенных Гёльдерлином изменений были вызваны стремлением подчеркнуть изысканно-возвышенный тон стихотворения: «сладкое» желание становится «гордым» (32)⁶, «голова» — «духом» (22), «великан» (женского рода: «die Riesin») — «героиней» (49), неопределенный народ (в более ранней версии «ein Volk») — в «das Volk» с определенным артиклем (43). В конце стихотворения Гёльдерлин жертвует возвышенным ради конкретики чувств, и «святая Греция» становится «любимой» (62). На фоне немногочисленных замен отдельных слов наиболее важным и сразу бросающимся в глаза отличием является отсутствующая в более поздней версии пятая строфа:

Hätte doch von diesen goldnen Jahren
Einen Theil das Schicksal dir bescheert;
Diese reizenden Athener waren
Deines glühenden Gesangs so werth;
Hingelehnt am frohen Saitenspiele
Bei der süßen Chiertraube Blut,
Hättest du vom stürmischen Gewühle
Der Agora, glühend ausgeruht
[Hölderlin 1947, S. 479].

Будь тебе дарована судьбою
хоть частица тех золотых времен,
был достойно бы воспет тобою
восхитительных афинян сонм.
Струны радостно перебирая,
ты б лозы хиосской сладость пил,
тесноты агоры избегая,
в песнопеньи б отдых находил
[Гёльдерлин 1997, с. 268].

Адресат этой строфы — песнопевец (т.е. поэт), шумному ликованию агоры предпочитающий наслаждение вином и уединение творчества. Гёльдерлин, восторженный поклонник Французской революции, удаляет в конце 1794 г. эту строфу как, по всей видимости, более не актуальную для него после Термидора и поражения якобинского Конвента и контрастирующую с «бьющимся для народа сердцем» следующей строфы.

⁶ Здесь и далее указания на номера строк более ранней версии.

Егунов переводит более позднюю версию, сохраняя внесенные Гёльдерлином изменения, однако возвращает вычеркнутую автором пятую строфу на прежнее место. Это противоречило всем правилам текстологии, и переводчик это прекрасно сознавал. В одном из писем А. Доватуру 1963 г. Егунов пишет: «Согласно эдиционной этике, которая когда-то существовала и, конечно, должна и впредь существовать, без согласия автора — respective переводчика — нельзя вносить в текст никаких изменений» [Доватур, Егунов, Боровский 2000, с. 181]. И двумя годами позднее, касательно одной филологической статьи: «Ссылка на неведомого редактора сочинений Платона, который, без всякого пиетета и плохо разбираясь, вставлял в них что попало, возвращает нас к худшим временам старомодной гиперкритики текста» [Доватур, Егунов, Боровский 2000, с. 182]. Сознательная конъектура вычеркнутой строфы может быть прочитана как подчеркнутое обращение к сонму «восхитительных афинян» — соратников Егунова по переводческому кружку АБДЕМ, давно нашедших свой покой среди мраморных руин; и, пожалуй, нигде, как в пятой строфе с обращением к судьбе, так не ощущается безнадежная невозможность желания: «Будь тебе дарована судьбою / *Хоть частица тех золотых времен* (здесь и далее курсив мой. — И. К.)» [Гёльдерлин 1997, с. 268]. Вспомним судьбу абдемитов: А. М. Миханков — арестован в 1928 г., расстрелян в 1929; А. В. Болдырев — арестован в 1928 г., пятилетнее заключение на Соловках, повторный арест в 1937, умер в 1941; А. И. Доватур — арестован в 1935, десять лет лагерей, последующая ссылка; сам Егунов — арестован в 1933, ссылка в Томск, тайные приезды в конце 1930-х в Ленинград для свиданий с женой, кратковременное преподавание в университете с последующим увольнением из-за непредоставления прописки; депортация немецкими войсками, после войны попытка бегства в американскую зону и арест в Касселе, именно там, где Гёльдерлин находит свою Диотиму, Сюзетту Гонтар; десять лет лагерей и нерадостное возвращение в июне 1956 г. в Ленинград. Строки «Греции» в переводе Егунова читаются как реминисценция этого переживания:

Маю светлому, когда он сходит ныне,
Не найти от братьев и следов —
во святой Иллисовой долине
они дремлют в щелке средь щитов [Гёльдерлин 1997, с. 268].

Через два месяца, 6 августа 1956 г., Егунов пишет Доватуру:

«У меня здесь нет чувства оседлости. И все поумирили, и нет своей жилплощади. <...> Еще год назад я никак не предполагал, что мне доведется побывать в родном городе. Нынешнюю побывку рассматриваю как прощание с ним — а с ним за день не простишься, нужны месяцы. К числу таких прощальных развлечений относится и посещение бывлых квартир, т. е. не квартир, конечно — кто меня туда пустит? — а дворов, подъездов, и подъем по лестнице до бывлой нашей квартиры. <...> Ощущение не скорбное, а какое-то странное. Словно ты выходец с того света или, напротив, заживо странствуешь по елисейским краям» [Доватур, Егунов, Боровский 2000, с. 174].

«Елисейские радости» — название поэтического сборника Николева. Вспомним источник псевдонима — пушкинские строки, приобретающие в контексте жизни и творчества Егунова звучание злой и безнадежной самоиронии скрывшегося за псевдонимом автора:

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, *поэт покойный* [Пушкин 1959, с. 356].

Одну из своеобразных рифм к последней строке стихотворения Гёльдерлина — в точном, почти дословном переводе Егунова: «Я всем сердцем предан мертвецам» [Гёльдерлин 1997, с. 268] — мы находим в другом письме к Доватурсу за 1963 г., когда Егунов готовил к переизданию совместный перевод абдемитов, «Эфиопику» Гелиодора: «Я рассматриваю эту работу как лебединую песнь Абдема и стараюсь спеть ее как можно аккуратнее, в память отошедших, а кропотливо это безголосое пение ужасно» [Доватур, Егунов, Боровский 2000, с. 181].

Если перевод из Гёльдерлина позволяет проникнуть в глубину той утери, которую претерпел Егунов и размеры которой стояли перед его глазами после возвращения в Ленинград, то литературоведческая статья «Литературные реминисценции в „Вешних водах“» не только помогает лучше оценить вклад Егунова в изучение творчества И. С. Тургенева (см. также: [Егунов 1960; 1964а; 1964б; 1966]), но и, как это ни парадоксально, может служить одной из дверей в творческий мир поэта Николева. Поскольку с текстом статьи, предлагающим богатый материал для исследователей тургеневского интертекста, читатель может ознакомиться в приложении, укажем лишь на существенные для нашей темы моменты. Отметив обилие и разнообразие имеющихся в повести Тургенева ссылок, Егунов обращает внимание на то, что «все без исключения персонажи повести — люди не книжные, без особого образования и далекие от литературы, так что ссылки приходится отнести не столько к их интересам или начитанности, как к избранной писателем манере повествования: ссылки показывают, чем было полно сознание романиста, и в этом смысле их можно считать своего рода авторскими признаниями»⁷. Романистом был, как известно, и сам комментатор, и то, что он пишет о характере литературных реминисценций у Тургенева и механизме их возникновения, с тем же успехом можно считать авторским признанием Егунова о поэте Николеве. Неоднократно указывалось на плотность интертекста в его поэзии и прозе; в своей монографии о поэме «Беспредметная юность» М. Маурицио справедливо указывает на превалирование в ней подтекста перед текстом как таковым [Маурицио 2008, с. 117], а Н. Н. Казанский определяет цитатность как «ткань поэмы» и ее принцип [Казанский 1991, с. 60–61]. Тем ценнее то разделение, которое проводит Егунов в своем анализе «Вешних вод» Тургенева, отделяя литературную ссылку от реминисценции по принципу нечаянности. Внимание к реминисценциям объяснимо: Егунова привлекает «не прямое, но косвенное высказывание, прячущееся в языке» [Завьялов 2003, с. 197]. Его интересуют случаи, «когда повествователь не имел намерения сослаться или процитировать, но тем не менее его словесное выражение, образ или ситуация все же восходят к каким-либо запавшим ему в память элементам чужих произведений». Как известно, одной из главных проблем исследова-

⁷ Здесь и далее статья А. Н. Егунова «Литературные реминисценции в „Вешних водах“» цит. по публикации в приложении.

ния интертекстуальности является доказательная база, при отсутствии которой широта привлекаемого комментатором материала становится потенциально неограниченной. Проведенный в статье образцовый анализ с крайней определенностью демонстрирует не только методологию филолога Егунова, но и литературное кредо поэта Николева, адресованное в статье Тургеневу следующим образом: «Всё, что всплывало в памяти писателя и оказывалось у него под рукой, походило на то, как берут слова из словаря — они сейчас же перестают быть чужими». Границы этой игры Егунов прекрасно осознавал, о чем свидетельствует его комментарий к одному из стихотворений Ф. Маттисона, переписанному юным Тургеневым себе в тетрадь, приписанному впоследствии комментаторами самому Тургеневу и ошибочно помещенному в первый том его академического Собрания сочинений (см.: [Егунов 1964b]).

Приведем в заключение лишь один пример, отсылая читателя за прочим богатым фактическим материалом к тексту статьи. Егунов констатирует присутствие в «Вешних водах» грибоедовского пласта, указывая на литературную ссылку к «Горю от ума» в XXXVIII главе повести: «Какой он был муж совета! Он был муж Татьяны Юрьевны». Этой ссылке Егунов противопоставляет литературную реминисценцию в диалоге персонажей XXI главы: «— Я вижу, ты всё такой же... / — На что я буду меняться?» Отсылку к соответствующему месту в «Горе от ума» («— Как были, всё такие? / — На что меняться мне?») Егунов определяет как «нечаянную» и аргументирует свою позицию следующим образом: «Совпадение выражений здесь не заключает в себе умышленного намека и не служит для какого-либо смыслового обогащения данного места повести. Это случайность, а причина случайности — память». Для самого Егунова память по ушедшим друзьям является мотивацией для прямой литературной ссылки: так, для иллюстрации параллели с трагедией В. Шекспира «Король Лир» он выбирает перевод М. Кузмина, с которым был близок в 1920–1930-е годы.

Публикуемая в приложении статья А. Н. Егунова приводится по правленому автором машинописному списку из его архива. Машинопись не датирована; по ссылкам можно судить, что статья написана не ранее 1962 и не позднее 1966 г., когда вышел 11-й том собрания сочинений Тургенева с повестью «Вешние воды», указания на который отсутствуют. Скорее всего, в этой статье Егунов, вышедший на пенсию 1 марта 1963 г., подвел итог своим занятиям по изучению И. С. Тургенева. Цитаты и ссылки сверены по первоисточникам, отдельные опечатки исправлены безоговорочно. В публикации сохранен стиль цитирования автора, ему же принадлежат подстрочные примечания и курсив. Ссылки А. Н. Егунова на литературу сверены и уточнены публикатором.

А. Н. Егунов

Литературные реминисценции в «Вешних водах»

Повесть Тургенева «Вешние воды» поражает множеством и разнообразием имеющихся в ней литературных ссылок. В 1-й ее части упомянуты поименно или приведены в цитатах следующие авторы (в том порядке, как они встречаются в повести): Пушкин, Бенедиктов, Данте, Лафонтен, Мальс, Гофман, Уланд, Пушкин, Пушкин, Бомарше. Во 2-й части ссылок несколько меньше: Пушкин, Грибоедов, Ретц, Грибоедов, Вергилий, Бюргер — в общем на сравнительно небольшом протяжении повести (примерно 70–80 страниц, смотря по изданию) чуть ли не целая литературная энциклопедия, с преобладанием западноевропейских авторов: иноязычию персонажей повести словно вторит иноязычие и литературных ссылок. Обилие ссылок тем более обращает на себя внимание, что все без исключения персонажи повести — люди не книжные, без особого образования и далекие от литературы, так что ссылки приходится отнести не столько к их интересам или начитанности, сколько к избранной писателем манере повествования: ссылки показывают, чем было полно сознание романиста, и в этом смысле их можно считать своего рода авторскими признаниями. Некоторые из ссылок входят в фабулу повести и служат целям сюжетосложения. «Эстетические отношения искусства к действительности» в этой повести Тургенева обладают той особенностью, что между действительностью и ее художественным претворением часто вклиниваются подчас не очень мотивированные и нисколько не скрываемые ссылки на предшествовавшую литературу. Такая манера, нарушающая иллюзию письма с натуры, свойственна романтическому повествованию. Примеры можно найти у Тика и Гофмана.

Нас интересуют, однако, те случаи, когда повествователь не имел намерения сослаться или процитировать, но тем не менее его словесное выражение, образ или ситуация все же восходят к каким-либо запавшим ему в память элементам чужих произведений. Назвать это глухой ссылкой нельзя, так как в понятие любой ссылки входит ее преднамеренность, а то явление, о котором мы говорим, отличается именно своей нечаянностью. Непреднамеренность можно различить по тону, по контексту, подобно тому, как мы улавливаем вообще авторские интонации. Такие реминисценции — это чужой литературный подтекст, который удастся вскрыть под данным текстом повествователя, как это бывает и в случае психологического подтекста. На мысль о возможном наличии в повести Тургенева таких реминисценций наводит именно обилие в ней литературных ссылок: то, что лежит на поверхности, заставляет предполагать подобное же и в скрытом состоянии.

Когда в XXXVIII главе повести мы встречаем остроу «Какой он был муж совета! Он просто был муж Татьяны Юрьевны», перед нами намеренная литературная ссылка на «Горе от ума» (III, 3), но когда в XXXI главе тургеневские персонажи обмениваются такими репликами:

- Я вижу, ты всё такой же...
- На что я буду меняться? —

мы усматриваем здесь нечаянную реминисценцию из того же «Горя от ума»:

- Как были, все такие?
- На что меняться мне? (III, 8).

Совпадение выражений здесь не заключает в себе умышленного намека и не служит для какого-нибудь смыслового обогащения данного места повести. Это случайность, а причина случайности — память⁸.

В главе VI, приведя цитату из Лафонтена «*Cet âge est sans pitié*», повествователь следом за ней дает перевод — однако не «это безжалостный возраст» или «без жалости», «далекий от жалости», «чуждый жалости», а «этот возраст не знает жалости», т. е. здесь вводится глагол «не знает». В памяти повествователя, следовательно, возник крыловский стих из басни «Два голубя»: «Сей возраст жалости не знает».

На примерах из Пушкина резко видна разница между литературной ссылкой и реминисценцией. «Каждый взял свой пистолет» (гл. XXII) — цитата из «Евгения Онегина» (VI, 29), выделенная писателем в отдельную строку. В главе XXXIV цитата из стихотворения Пушкина «Красавица» — «перед святыней красоты» — хоть и не выделена в строку и синтаксически входит в состав фразы самого повествователя, однако взята в кавычки. Обе цитаты, таким образом, — отчетливые литературные ссылки. Иное дело в главе XVII: «Санин взял записку — как говорится, машинально — распечатал и прочел ее» — это типичный случай реминисценции: писатель нечаянно выразился пушкинскими словами («Евгений Онегин», IV, 17), несмотря на полное несходство контекстов. Но гораздо чаще, естественно, реминисценция возникает именно по признаку сходства. Реминисценции из русских авторов — Грибоедова, Крылова, Пушкина — очевидны и, так сказать, прямолинейны. Переходим к более сложным случаям.

I

За несколько месяцев до своего первого итальянского путешествия, совершенного Тургеневым в том же возрасте, что и героем его повести — Саниним, Тургенев писал Грановскому: «Я все не перестаю читать Гёте... Вообразите — я до сих пор не читал „Римских элегий“... Эти элегии огнем пролились в мою кровь...»⁹

В XV элегии Гёте говорится, что итальянская возлюбленная поэта стоит ниже его по социальной лестнице, она — служанка в таверне, а во II элегии имеются следующие строки:

Sie ergötzt sich an ihm, dem freien, rüstigen Fremden,
Der von Bergen und Schnee, hölzernen Häusern erzählt...
Mutter und Tochter erfreu'n sich ihres nordischen Gastes¹⁰.

⁸ Когда мы читаем в XXXIV главе повести: «Полозов ел медленно, „с чувством, с толком, с расстановкой“», то здесь перед нами пародийное применение ставшего уже proverbialным выражения из «Горя от ума», так что к нему неприменимо ни понятие литературной ссылки, ни понятие реминисценции.

⁹ Тургенев И. С. Письма. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 176. XII элегию Тургенев перевел — см.: Тургенев И. С. Сочинения. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 65–66.

¹⁰ То есть: «Она любит его, вольным, крепким чужестранцем, который рассказывает о горах, о снеге, о деревянных домах... И мать и дочь не нарадуются на своего северного гостя». Попут-

В V главе тургеневской повести та же ситуация: Санин рассказывает лавочнице и ее дочери, в которую он вскоре и влюбляется, о русском климате — речь заходит о вечном снеге и о доме, правда, не деревянном, как в элегии Гёте, а о ледяном. Назвать эту ситуацию заимствованием со стороны Тургенева никак нельзя, потому что сходная ситуация подсказывается самой жизнью и встречается во многих повестях и романах. И даже ее конкретизация (гость с севера, а мать и дочь — итальянки) не навели бы на мысль искать где-нибудь — тем более в стихах — нечто подобное, если бы не было вышеприведенного письма Тургенева: оно служит ключом к тому, что здесь перед нами действительно реминисценция.

II

Характеризуя Джемму ее чтением, писатель касается в VII главе своей повести одного незначительного франкфуртского литератора, который иначе никогда бы не попал в поле зрения русской литературы, и дает о нем, так как он совершенно неведом большинству читателей повести, краткую справку. Память тут, с одной стороны, изменяет писателю, с другой — смутно подбирает некоторые детали прочитанного. Неточно передана прежде всего фамилия этого литератора: он не Мальц, как у Тургенева, а Мальс (Karl Mals, 1792–1848). Затем, ни в одной из пяти комедий¹¹ Мальса не выведено ни «выжившей из ума старухи» (разве что — женщины средних лет), ни «глупого бургомистра». Однако именно это упоминание бургомистра позволяет определить, какую из комедий Мальса имел Тургенев в виду. Работая над повестью и припоминая книгу, которую он когда-то, вероятно, перелистывал, — писатель, очевидно, смешал по созвучию слова «бургомистр» и «бюргеркапитен», как озаглавлена одна из комедий Мальса¹², писавшего к тому же на довольно затруднительном диалекте (к изданиям Мальса даже для немецких читателей обычно прилагается словарь местных слов). В 1814 году во время войны с французами город Франкфурт делился на 12 «квартир», каждая «квартира» давала по роте ополченцев, во главе которой стоял гражданский капитан — бюргеркапитен. В комедии Мальса встречаются отдельные штрихи, которые, в плане реминисценций, вошли в созданные Тургеневым фигуры фрау Леноре и Санина. Бюргеркапитен — это некто Химмельмейер, содержатель гостиницы, не столько глупый, сколько простодушный. Положительной любовной паре — дочь капитана Лизхен и студент Вейгенанд — противопоставлена отрицательная парочка — Гретхен, племянница капитана, и корнет фон Лаксовиц. Он попал в Германию по обстоятельствам военного времени, а сам он русский (т. е. русский немец). Лаксовиц влюбил в себя Гретхен, в этом ему сослужили службу романы, которые он доставал для нее. Он рассказывает ей о своем якобы богатстве, о поместьях в России, о блеске русской столицы и предлагает Гретхен бежать с ним вместе, а по приезде в русское поместье

но можно вспомнить, что «лирического героя» римских элегий Гёте сильно омолодил сравнительно с собой — ему было 38 лет во время итальянского путешествия (Санину и Тургеневу — 22).

¹¹ См. издание: *Malß C. Volkstheater in Frankfurter Mundart*. 3. Aufl. Frankfurt am Main, 1884, содержащее пять пьес, воспоминания о 1826 годе и «Речь 74-летнего франкфуртца при открытии памятника Гёте».

¹² «Die Entführung oder der alte Bürger-Capitain». Ein frankfurter heroisch-borgerlich Lustspiel in zwei Aufzügen. 1820. 1-е представление — 1821. 4-е издание — 1833 (что свидетельствует о популярности Мальса).

обвенчаться. На самом деле намерения Лаксовица циничны: он хочет взять Гретхен с собою не дальше как до Лейпцига, а оттуда послать ее обратно. Гретхен дает себя похитить, но благородный Вейгенанд спасает девушку из рук негодяя.

Если Джемма выбрала именно эту комедию для чтения вслух в присутствии своего нового знакомого, о котором она уже знала, что он русский, то это с ее стороны было бы бестактностью, но повествователь этого не предусмотрел. Во всяком случае, по расчету времени, проведенному Саниным в ее доме (главы IV–VII с 6.30 примерно и до 12 часов), она должна была прочесть несколько комедий Мальса, настолько они коротки. В комедии «Загородная поездка в Кенигштейн» («Die Landpartie nach Königstein», 1832 года) также имеются детали, которые могли запомниться писателю: во-первых, *Landpartie*, что могло означать не только поездку, но и прогулку (ср. у Тургенева выражение *partie de plaisir* в гл. XVI), затем *commis* (приказчик в магазине тканей — ср. у Тургенева «главный комми» в магазине матери, гл. VIII) и, наконец, имя героини — Розина. Мальс говорит о ней так: «Ее зовут Розиной, совершенно так же, как и в „Севильском цирюльнике“...»¹³ У Тургенева в XXIX главе Санин излагает «свои намерения» перед фрау Леноре, матерью Джеммы: «Эти чувства были самые искренние, эти намерения — самые чистые, как у Альмавивы в „Севильском цирюльнике“». Однако ни в комедии Бомарше, ни в опере Россини нет такого места, чтобы Альмавива излагал свои намерения и чувства кому-нибудь из старшего поколения (не опекуну же Розины, которого он намеревался провести!). Неточность этой ссылки тем более поразительна, что речь идет о таком всем известном произведении, как «Севильский цирюльник». Объяснения надо искать в том, что фамилия матери Джеммы и ее самой создается у писателя под смутным воспоминанием о комедии Мальса: Розелли — Розина, а имя «Розина» вызвало некстати примененную ссылку на «Севильского цирюльника» — здесь вскрытие неосознанной реминисценции проясняет неверную литературную ссылку.

Есть еще два момента в повести Тургенева, которые восходят к комедиям Мальса. Из них первый — языковой, а второй касается отношения к религии. Речь фрау Леноре, говорит ли она по-французски или по-немецки, передается в повести вполне литературным русским языком, нарушение которого встречается лишь один раз: «...свадьба расстраивается! Ведь это шкандал, шкандал!» (гл. XXIII). Но именно слово «скандал», в его диалектной форме тоже с комическим намерением, относительно поведения девушки, обыграно в упомянутой комедии «Бюргеркапитан». Добродетельная Лизхен так отзывается там о героине комедии: «Die Gretche hot en scheene, Schandahl gemacht» (т. е. «Гретхен учинила настоящий скандал»).

Та же Лизхен поучает так свою подругу: «Der Wärttag is for die Arweit, un der Sunndag for die Kerch» (т. е. «Будни — для работы, а воскресенье — для церкви»), на что строптивая Гретхен отвечает: «Wie kannst de nor so schwetze in unsere ufgeklehrte Zeite?» («Как ты можешь нести такой вздор в наше просвещенное время?»).

По мысли Мальса, Гретхен именно потому и поддалась настояниям заезжего русского, что она прониклась «тлетворными влияниями» века. В неразвернутом виде нечто подобное можно заметить в тургеневской Джемме: увеселительная прогулка в Соден (гл. XV) состоялась утром в воскресенье (гл. VIII); как добрые като-

¹³ Дальше эта фраза продолжается так: «Ее лицо соответствует этому сладкому имени» (Rosinen по-немецки — изюм) — характерная для Мальса пошловатость.

лички обе Розелли — и мать, и дочь — не должны были бы пропускать воскресной мессы, между тем об этом нет никакого упоминания в тексте повести. Известно, как сильно католическая религия вросла в быт, особенно среди женщин. О чрезвычайной набожности простого народа в Италии свидетельствует такой писатель, как Диккенс, путешествовавший там как раз в 40-е годы. Его очерки «Картины Италии» (русский перевод был в «Отечественных записках» 1846–47 г.) небесполезны при суждении об Италии Тургенева. Для итальянцев, проживающих в городе преимущественно протестантском, каким был Франкфурт, католическая религия была, кроме того, их национальным признаком; приверженность к своему вероисповеданию была бы для них естественна исторически и социально; религиозный индифферентизм семейства Розелли составлял бы редкое исключение и его следовало бы специально оговорить, тогда и эффектная сцена с крестиком (гл. XXX) была бы как-то обоснована. Повествователь, конечно, не имел в виду представить фрау Леноре или Джемму как каких-то «вольтерьянок» — он, будучи сам индифферентен, судил о них по себе, но можно полагать, что и шаткая в вере героиня комедии Мальса дала несколько неясно обозначенных черточек для образа Джеммы.

III

Если заглавие комедии Мальса, которую читала Джемма, можно установить лишь по обмолвке писателя: «бургомистр» вместо «бюргеркапитэн», то с другим читанным ею автором — Гофманом — дело обстоит проще, так как писатель дает в главе XII краткий пересказ того произведения, которое он имеет в виду: это один из поздних рассказов Гофмана — «Die Irrungen» (продолжением служит рассказ «Die Geheimnisse»)¹⁴. То, что Джемма рассказывает Санину и что Тургенев обозначает как «начало этой повести», составляет 5-ю ее главу: однажды, когда барон Теодор фон С. шел в Берлине в Тиргартен, он встретил карлика с дамой под вуалью и последовал за этой заинтересовавшей его парой в кондитерскую Фукса (in den Konditorladen bei Fuchs) и т. п. Тургенев устами Джеммы выделяет из рассказа Гофмана те моменты, которые требуются для развития сюжета его собственной повести. Перед нами развернутая литературная ссылка. Конец рассказа Гофмана Джемма «или не прочла или позабыла», говорит Тургенев, который, конечно, прочел его и не позабыл — тут мы переходим в область реминисценций. В самом деле, вот дальнейшее содержание рассказа Гофмана: Теодор, по ошибке, принимает Амалию, дочь банкира, за разыскиваемую им незнакомку — красавицу гречанку. Амалия, некогда знавшая Теодора, решила вернуть его себе, так как он якобы зажег в ней страстную любовь. Барон, говорит Гофман, попался на удочку: «Die Griechin, die Einsiedelei, die blaue Briefftasche vergessen! Aber nicht anders geht es in der Welt, das was man eifrig verfolgt, erreicht man am letzten, das was man nicht zu erreichen strebt, kommt von selbst herbei. Der Zufall ist ein neckischer und neckender Spukgeist»¹⁵.

Во всем этом легко узнать то, что входит во 2-ю часть тургеневской повести: дочь банкира — это Марья Николаевна, дочь миллионера-откупщика и т. п.

¹⁴ E. T. A. Hoffmann's Gesammelte Schriften. Bd 11. Berlin, 1873. «Die Irrungen» — S. 94–134, «Die Geheimnisse» — S. 135–186.

¹⁵ Ibid. S. 128. «Гречанка, уединенное жилище, голубой бумажник — все забыто! Но ведь так уж водится на свете: еле-еле дается в руки то, что преследуешь изо всех сил, а то, к чему и не стремишься, само навязывается. Случай — это такая насмешливая и дразнящая чертовщина».

Мелкими реминисценциями из рассказа Гофмана является и то, что фортепьяно в комнате содержательницы кондитерской, на котором аккомпанирует себе Санин, повторяет гофмановское фортепьяно, «кстати стоявшее в одной из комнат кондитерской», на котором аккомпанирует Теодор, а описание внешности Панталеоне — «ковыляя на кривых ножках, вошел маленький старичок в лиловом фраке» (гл. II) — почти дословно совпадает с гофмановским описанием карлика: «...маленький кривоногий старый человечек, одетый очень смешно, в старомодный костюм»¹⁶.

IV

Выпишем подряд из Мальса и Гофмана все, что относится к тургеневской повести:

- пожилой содержатель гостиницы, простодушный;
- его племянница;
- молодой человек, случайно попавший в Германию;
- он русский;
- у него поместья в России;
- венчание (церковный брак);
- прогулка за город;
- «шкандал»;
- равнодушие девушки к религии;
- фортепьяно в кондитерской;
- красавица-гречанка;
- карлик;
- дочь банкира;
- ее умысел — он попался — все было забыто.

Картина получается достаточно показательная. Спрашивается, как ее истолковать? Надо решительно отвергнуть резкий и грубый термин «заимствование». Как мы уже отмечали и ранее, любая из этих деталей могла быть свободным изобретением. Однако их совокупность, их подбор не может быть случайностью. Поскольку данные два автора упомянуты в повести, мы вправе заглянуть в них и сказать, что Мальс и Гофман были не только чтением героини тургеневской повести, но и ее автора. Однако все, что всплывало затем в памяти писателя и оказывалось у него под рукой, походило на то, как берут слова из словаря — они сейчас же перестают быть чужими.

V

В XXVI главе мы читаем: «...он даже о ней <о Джемме> не думал... точно завеса... висит... перед его умственным взором, — и за той завесой он чувствует... присутствие... божественного лика... и этот лик не лицо Джеммы, это лицо самого счастья! ...увидало его божество — и тут уже свет, как от солнца, и радость, и восторг нескончаемый!» Это отзвук учения Платона. В диалоге «Пир» пророчица Диотима так раскрывает Сократу высший смысл любви: «Красота не представится

¹⁶ Ibid. S. 122.

ему <влюбленному> словно какое-то лицо... но сама по себе... и если он сможет увидеть самое божественную красоту, думаешь ли ты, что плохой будет жизнь человека, взирающего на нее?»¹⁷

Главу XXVI надо считать кульминацией первой части тургеневской повести — это наиболее возвышенный подъем переживаний Санина. Во второй части психологической кульминацией будет не свидание в лесной караулке, а бешеная скачка Марьи Николаевны и Санина, которая их «как будто окончательно сблизила» (гл. XLII). Повествователь так описывает Марию Николаевну: «...глаза алчные... дикие, губы, ноздри раскрыты тоже и дышат жадно... всем... хочет завладеть эта душа, и об одном только она и жалеет: опасностей мало — все бы их одолела... Разыгрались удалые силы. Это уж не амазонка пускает коня в галоп — это скачет молодой женский кентавр, полужверь и полубог...» Скачущая во весь опор амазонка сливается в одно целое со своим конем — так возникает у Тургенева образ кентавра, притом кентавра женского пола, что чуждо античной мифологии¹⁸. Образ амазонки-кентавра встречался в очень шумевшей в свое время романтической трагедии на античный сюжет — «Пентесилее» Клейста (1804 г.). Пентесилея — царица амазонок. Она и Ахилл сражаются друг с другом, но их война — любовная битва. В 3-м явлении Пентесилея на коне гонится за Ахиллом:

...воздух, преграждающий ей путь,
Она, припав к луке, глотает жадно.

В 4-м явлении Диомед говорит Ахиллу:

Кто скажет, что и он, как ты, смотрел
В лицо царице, столь с кентавром схожей?¹⁹

В подлиннике это более показательно: у Клейста — новообразованное им слово женского рода:

Ist Einer, außer dir, der sagen kann,
Er hab auch die *Kentaurin* nur gesehn?

На подобный неологизм Тургенев не отважился: «кентаврица», «кентавриха», «кентаврша» — слова невозможные.

Здесь уместно коснуться вопроса о разнице между вскрытием реминисценций и приведением просто параллельных, аналогичных мест из литературы. В данном

¹⁷ Не требуется искать свидетельств, что Тургенев знал прославленный диалог Платона — об этом говорит полученное им филологическое образование. Даже лица без такого специального образования могли быть знакомы в 70-е годы с этим диалогом — по крайней мере у Льва Толстого Левин вспоминает о «Пире» («Анна Каренина», 1, 11).

¹⁸ Кентавры относятся к дионисическому течению греческой религии, т. е. к ее вакхической, исступленной стороне в отличие от светлой религии Аполлона. Уже у Гомера они названы «горными чудищами» (Ил. 1, 268). В них олицетворены бурные потоки, которые могут хлынуть с гор, из лесных чащ, снося все на своем пути. Неистовство роднит их с силами. Они буйная, враждебная человеку сила (благодетельный кентавр Хирон — не типичен). Как правило, кентавры — мужского пола, поэтому самое это слово по-гречески обычно мужского рода, лишь в виде исключения — женского. Таким же редким исключением является изображение женских кентавров в помпейской живописи и на одной гемме, где кентавр-женщина кормит грудью кентавра-детеныша. См.: Roscher W. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie; II, 1079. Leipzig, 1894. Ср. также: Daremberg Ch., Saglio Ed. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. T. 1, 2-e partie. Paris, 1887. P. 1012.

¹⁹ Перевод Ю. Корнеева: Клейст Г. Пьесы. М., 1962. С. 204 и 210.

случае параллельным местом были бы следующие слова короля Лира о похотливых женщинах:

...nor the soiled horse goes to't
with a more riotous appetite.
Down from the waist they are Centaurs,
though women all above (IV, 6)²⁰.

Нельзя отрицать, что, быть может, и эти строки вообще помнились Тургеневу, однако в данном месте повести не хватает данных, чтобы считать их источником реминисценции, тогда как с «Пентесилеей» Клейста сближаются следующие моменты: дикая скачка, амазонка, как бы сросшаяся со своим конем, любовный пыл — всего этого в контексте цитаты из «Короля Лира» нет.

VI

Когда повествователь вследствие аберрации памяти принимает свою возникшую из сочетания различных источников реминисценцию за подлинную литературную ссылку, у него получается цитата, которая на самом деле — псевдоцитата. Так обстоит дело с восклицанием Марьи Николаевны в ХLI главе повести:

In die Berge, wo die Freiheit thront²¹.

Еще никому из комментаторов повести Тургенева не удалось установить источник этой строки. Ближе всего к тому, что цитирует Марья Николаевна, подходит вводное стихотворение гейневского «Путешествия на Гарц» с противопоставлением лощеного, цивилизованного общества и простой жизни в горах, где веет вольный ветер.

У Шиллера в «Мессинской невесте» (IV, 7) есть близкая к тургеневской строка: «Auf den Bergen ist Freiheit!» — в горах свобода, потому что туда, — поясняет Шиллер, — не доходят испарения склепов, там воздух чист, мир везде совершенен, если человек не вносит в него свои мучения. Но и у Гейне, и у Шиллера стихотворный размер не тот, что в тургеневской «цитате». У Тургенева эта строчка, видимо, произвольно сложилась как реминисценция «общего места» европейской поэзии²², своеобразно примененного к Марье Николаевне.

VII

И наконец уже не детали, а весь сюжет в целом. Если искать параллелей, то в русской литературе это будет «Бедная Лиза» Карамзина. В самом деле, кроме развязки, схема обеих повестей имеет сходство: молодой дворянин встречает девушку низкого звания, торговку, но она торгует предметами «поэтическими»: Лиза — ландышами, Джемма — сладостями. У обеих девушек нет отца, который мог бы их предо-

²⁰ ...ни конь с кормов подножных
не бешеней в любви.
Что ниже пояса у них — Кентавр,
хоть сверху женщины.

(Шекспир В. Трагедия о Короле Лире / пер. М. Кузмина. М.; Л.: Academia, 1936. С. 293.)

²¹ «В горы, где царит свобода».

²² Ср. также «Дон Карлос» (III, 10) и сюжет «Вильгельма Телля».

стеречь, — у них только мать. Роман девушки с молодым барином кончается тем, что он ее покидает и женится на богатой, из своего социального круга. Но это не приносит ему счастья: «Эраст, — говорит Карамзин, — был до конца жизни своей несчастлив». Не «бедная Лиза», а «бедный Эраст» — так повернут сюжет в тургеневской повести, «Лиза» же не только не кончает с собой, но, напротив, находит счастье в семейной жизни.

Параллелизм сюжетов обеих повестей очевиден, но в повести Тургенева нельзя обнаружить реминисценций из повести Карамзина. Если же присмотреться к некоторым замечаниям автора относительно Марьи Николаевны, то скрытые сюжетные реминисценции мы будем искать совершенно в другом направлении. Марья Николаевна верит в присуху, колдовство; Санин прежде не верил, теперь уже верит (гл. XLII). «Он действительно был околдован», — замечает повествователь (там же). Далее: его «властительница» «всеми десятью пальцами схватила его за волосы... эти безответные <sic> волосы, сама вся выпрямилась, на губах змеилось <sic> торжество» и т. п. Мы склонны видеть во всем этом реминисценцию легенды о бедном рыцаре Тангейзере (в гл. XXXV Марья так и называет Санина рыцарем), которого бесовская фрау Венус соблазном чувственности увлекает в свой волшебный грот.

Источники

- Гёльдерлин 1969 — Гёльдерлин Ф. *Сочинения*. М.: Художественная литература, 1969. 543 р.
- Гёльдерлин 1997 — Гёльдерлин Ф. «Греция». *Древний мир и мы*. СПб.: Алетейя, 1997. С. 267–268.
- Егунов 1960 — Егунов А. «Тургенев и Мёрике». *И. С. Тургенев (1818–1883–1958): Статьи и материалы*. Орел: Орловское книжное изд-во, 1960. С. 228–239.
- Егунов 1964а — Егунов А. «Об эпиграмме Гомера: Студенческая работа Тургенева на латинском языке». *Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1964. С. 200–212.
- Егунов 1964б — Егунов А. ««Weile vor der Hagerose»: Тургенев и Маттисон». *Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Т. 1. М.; Л.: Наука, 1964. С. 229–232.
- Егунов 1966 — Егунов А. «Письменные ответы Тургенева на магистерском экзамене». *Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Т. 2. М.; Л.: Наука, 1966. С. 89–108.
- Егунов 1968 — Егунов А. ««Вешние воды»: Латинские ссылки в повести Тургенева. 1. Тургенев и «Энеида» Вергилия. 2. Taedium vitae». *Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Т. 4. М.; Л.: Наука, 1968. С. 182–188.
- Егунов 1993 — Николев А. (Егунов А. Н.). *Собрание произведений*. Wien; München: Verlag Otto Sagner, 1993. 364 с. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 35).
- Николев 1931 — Николев А. *По ту сторону Тулы*. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 218 с.
- Николев 2001 — Николев А. *Елисейские радости*. М.: ОГИ, 2001. 60 с.
- Платон 1965 — Платон. *Избранные диалоги*. М.: Художественная литература, 1965. 442 с.
- Пушкин 1959 — Пушкин А. «Из письма к В. Л. Пушкину». *Пушкин А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1*. М.: ГИХЛ, 1959. С. 356.
- Тургенев 1966 — Тургенев И. *Сочинения: В 15 т. Т. 11: Повести и рассказы 1871–1877*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1966. 541 с.
- Hölderlin 1913 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke*. Bd 1: Jugendgedichte und Briefe: 1784–1794. München: Müller, 1913. 391 S.
- Hölderlin 1922 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke und Briefe*: In 5 Bdn. Bd 1: Gedichte. Leipzig: Insel-Verlag, 1922. 504 S.
- Hölderlin 1924 — Hölderlin F. *Gesammelte Werke*. Bd 2: Gedichte der Reifezeit. Jena: Diederich, 1924. 493 S.
- Hölderlin 1947 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke*. Bd 1. Teil 2. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1947. 635 S.
- Hölderlin 1951 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke*. Bd 2. Teil 1. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1951. 1003 S.

Литература

- Берковский 1962 — Берковский Н. Ф. “Гёльдерлин”. *Вопросы литературы*. 1, 1962: 130–164.
- Гаврилов 1997 — Гаврилов А. К. “Журфиксы на Весельной: (Встречи с А. Н. Егуновым)”. *Греко-латинский кабинет*. Вып. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. С. 84–88.
- Голосовкер 1961 — Голосовкер Я. Э. “Поэтика и эстетика Гельдерлина”. *Вестник истории мировой культуры*. 30 (6), 1961: 163–176.
- Дейч 1968 — Дейч А. И. *Судьбы поэтов: Гельдерлин. Клейст. Гейне*. М.: Художественная литература, 1968. 575 с.
- Доватур, Егунов, Боровский 2000 — [Доватур А. И., Егунов А. Н., Боровский Я. М.] “Выбранные места из переписки друзей-филологов: А. И. Доватур — А. Н. Егунов — Я. М. Боровский”. Гаврилов А. К., Зельченко В. В. (подгот. к публ.). *Древний мир и мы*. Вып. 2. . СПб.: Алетейя, 2000. С. 162–186.
- Завьялов 2003 — Завьялов С. “Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии: (О книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков»)”. *Новое литературное обозрение*. 60, 2003: 194–199.
- Казанский 1991 — Казанский Н. Н. “О «Беспредметной юности» А. Н. Егунова”. *Московский наблюдатель*. 12, 1991: 52–61.
- Маурицио 2008 — Маурицио М. «Беспредметная юность» А. Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 251 с.
- Протасова 1962 — Протасова К. С. “Фридрих Гельдерлин, его время, жизнь и творчество”. *Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина*. 180, 1962: 3–226.
- Чуловский 2013 — Чуловский Б. С. Основные этапы рецепции творчества Ф. Гельдерлина в России в XX веке. *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 7 (Ч. 2), 2013: 204–213.

Статья поступила в редакцию 16 января 2017 г.

Статья рекомендована в печать 7 июля 2017 г.

Kukui I^lia Semenovich

Ludwig-Maximilians-Universität
1, Geschwister-Scholl-Platz, München, 80539, Germany
kukuj@slavistik.uni-muenchen.de

Literary commentary and literary translation as forms of indirect statement (on the marginalia by Andrei Egunov)

For citation: Kukuj I. S. Literary commentary and literary translation as forms of indirect statement (on the marginalia by Andrei Egunov). *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 1, pp. 41–59. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.104>

As a scholar and translator, Andrei Egunov (1895–1968) was focused on antiquity and its reception in Russian culture. However, there are two documents in his archive that attest to his interest in German literature: a translation of Friedrich Hölderlin’s *Griechenland* (*Greece*) and the article *Literary Reminiscences in “The Torrents of Spring”* that summarizes the results of his studies of Ivan Turgenev. The present article investigates the biographical and literary background of Egunov’s German studies and seeks to reveal the context of these works and their involvement with the issue of personal and cultural memory beyond the scope of his usual translation and literary studies. Egunov’s translation of Hölderlin’s poem, his only poetic translation, may have stemmed not merely from his general interest in German literature or his experience living in Germany were as a *Gastarbeiter* during WWII. First and foremost, it was an address to his colleagues and friends in the ABDEM circle, an expression of nostalgia not so much for Ancient Greece as for the times when the members of ABDEM were translating and studying the classical legacy together in the late 1920s and early 1930s. In his article about the German reminiscences in Turgenev, Egunov touches upon specific features of his

own poetics — perhaps, in a way as a reminiscence, too. We know of three literary works written by Egunov under the pseudonym “A. Nikolev”: the novel *Po tu storonu Tuly* [Beyond Tula], the collection of poems *Eliseiskie radosti* [Elysian Pleasures] and the poem *Bespredmetnaia iunost'* [Subjectless Youth], all distinguished by their deep intertextuality. Egunov's observations of similar phenomena in Turgenev and his distinction between literary allusions and “inadvertent” reminiscences lead us to a deeper understanding of the nature of A. Nikolev's poetic world through the prism of A. Egunov's literary studies.

Keywords: Andrei Egunov, Friedrich Hölderlin, Ivan Turgenev, literary translation, intertextuality.

Text sources

- Гельдерлин 1969 — Gel'derlin F. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1969. 543 с. (In Russian)
- Гельдерлин 1997 — Gel'derlin F. “Gretsiia” [Greece]. *Drevnii mir i my* [The Ancient World and Us]. St. Petersburg: Aleteiia Publ., 1997. P. 267–268. (In Russian)
- Егунов 1960 — Egunov A. “Turgenev i Merike” [Turgenev and Moerike]. *I. S. Turgenev (1818–1883–1958): Stat'i i materialy* [I. S. Turgenev (1818–1883–1958): Texts and Papers]. Orel: Orlovskoe knizhnoe Publ., 1960. P. 228–239. (In Russian)
- Егунов 1964а — Egunov A. “Ob epigramme Gomera: Studencheskaia rabota Turgeneva na latinskom iazyke” [On One of Homer's Epigrams: A Student Paper by Turgenev in Latin]. *Turgenevskii sbornik: Materialy k polnomu sobraniuu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva* [The Turgenev Collection: Materials toward a Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. P. 200–212. (In Russian)
- Егунов 1964b — Egunov A. “«Weile vor der Hagerose»: Turgenev i Mattison” [Weile vor der Hagerose: Turgenev and Mattison]. *Turgenevskii sbornik: Materialy k polnomu sobraniuu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva* [The Turgenev Collection: Materials toward a Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1964. P. 229–232. (In Russian)
- Егунов 1966 — Egunov A. “Pis'mennye otvety Turgeneva na magisterskom ekzamenе” [Turgenev's Written Responses on his Master's Exam]. *Turgenevskii sbornik: Materialy k polnomu sobraniuu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva* [The Turgenev Collection: Materials toward a Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1966. P. 89–108. (In Russian)
- Егунов 1968 — Egunov A. “«Veshnie vody»: Latinskie sсыlki v povesti Turgeneva. 1. Turgenev i «Eneida» Vergiliia. 2. Taedium vitae” [“Spring Torrents”: Latin References in Turgenev's Tale. 1. Turgenev and Virgil's Aeniad. 2. Taedium vitae]. *Turgenevskii sbornik: Materialy k polnomu sobraniuu sochinenii i pisem I. S. Turgeneva* [The Turgenev Collection: Materials toward a Complete Works and Letters of I. S. Turgenev]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1968. P. 182–188. (In Russian)
- Егунов 1993 — Nikolev A. (Egunov A. N.). *Sobranie proizvedenii* [Collected Works]. Wien; München: Otto Sagner Publ., 1993. 364 p. (Wiener Slavistischer Almanach [Viennese Slavonic Almanac]. Vol. 35). (In Russian)
- Николев 1931 — Nikolev A. *Po tu storonu Tuly* [Beyond Tula]. Leningrad: Publ. pisatelei v Leningrade, 1931. 218 p. (In Russian)
- Николев 2001 — Nikolev A. *Eliseiskie radosti* [Elysian Joys]. Moscow: OGI Publ., 2001. 60 p. (In Russian)
- Платон 1965 — Platon. *Izbrannye dialogi* [Selected Dialogues]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 442 p. (In Russian)
- Пушкин 1959 — Pushkin A. “Iz pis'ma k V. L. Pushkinu” [From Letter to V. L. Pushkin]. Pushkin A. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 10 vols. Vol. 1. Moscow: GIKhL Publ., 1959. P. 356. (In Russian)
- Тургенев 1966 — Turgenev I. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: In 15 vols. Vol. 11: Povesti i rasskazy 1871–1877 [Short Stories and Tales 1871–1877]. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR Publ., 1966. 541 p. (In Russian)
- Гёльдерлин 1913 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke* [Complete Works]. Vol. 1: Jugendgedichte und Briefe: 1784–1794 [Youthful Poems and Letters]. München: Müller Publ., 1913. 391 p.
- Гёльдерлин 1922 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke und Briefe* [Complete Works and Letters]: In 5 vols. Vol. 1: Gedichte [Poems]. Leipzig: Insel Publ., 1922. 504 p.
- Гёльдерлин 1924 — Hölderlin F. *Gesammelte Werke* [Collected Works]. Vol. 2: Gedichte der Reifezeit [Mature Poems]. Jena: Diederich Publ., 1924. 493 p.

- Hölderlin 1947 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke* [Complete Works]. Vol. 1. Part 2. Stuttgart: W. Kohlhammer Publ., 1947. 635 p.
- Hölderlin 1951 — Hölderlin F. *Sämtliche Werke* [Complete Works]. Vol. 2. Part 1. Stuttgart: W. Kohlhammer Publ., 1951. 1003 p.

References

- Берковский 1962 — Berkovskii N. F. “Gel'derlin” [Hölderlin]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1, 1962: 130–164. (In Russian)
- Гаврилов 1997 — Gavrilov A. K. “Zhurfiksy na Vesel'noi: (Vstrechi s A. N. Egunovym)” [Jour Fixes in Veselnaia: St.: (Meetings with A. N. Egunov)]. *Greko-latinskii kabinet* [Greek-Latin Cabinet]. Vol. 2. Moscow: Greko-latinskii kabinet Yu. A. Shichalina Publ., 1997. P. 84–88. (In Russian)
- Голосовкер 1961 — Golosovker Ia. E. “Poetika i estetika Gel'derlina” [Poetics and Aesthetics of Hölderlin]. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury* [Herald of Global Cultural History]. 30 (6), 1961: 163–176. (In Russian)
- Дейч 1968 — Deich A. I. *Sud'by poetov: Gel'derlin. Kleist. Geine* [Destiny of the Poets: Hölderlin. Kleist. Heine]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1968. 575 p. (In Russian)
- Доватур, Егунов, Боровский 2000 — [Dovatur A. I., Egunov A. N., Borovskii Ia. M.] “Vybrannye mesta iz pererpiski druzei-filologov: A. I. Dovatur — A. N. Egunov — Ia. M. Borovskii” [Selected Passages from the Letters of Friends-Philologists: A. I. Dovatur — A. N. Egunov — Ia. M. Borovsky]. *Drevnii mir i my* [The Ancient World and Us]. Vol. 2. Gavrilov A. K., Zelchenko V. V. (prep. for publ.). St. Petersburg: Aleteiia Publ., 2000. P. 162–186. (In Russian)
- Завьялов 2003 — Zav'ialov S. “Gomer v kachestve gosudarstvennogo obvinitel'ia na protsesse po delu russkoi poezii: (o knige A. N. Egunova «Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov»)” [Homer as State Prosecutor at the Trial of Russian Poetry: (on A. N. Egunov's Homer in 18–19th Century Russian Translations)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer]. 60, 2003: 194–199. (In Russian)
- Казанский 1991 — Kazanskiy N. N. “O «Bespredmetnoi iunosti» A. N. Egunova” [A. N. Egunov's «Non-Objective Youth»]. *Moskovskii nabliudatel'* [Moscow Observer]. 12, 1991: 52–61. (In Russian)
- Маурицио 2008 — Maurizio M. «Bespredmetnaia iunost'» A. N. Egunova: tekst i kontekst [A. N. Egunov's «Non-Objective Youth»: Text and Context]. Moscow: Kulagina Publ.; Intrada Publ., 2008. 251 p. (In Russian)
- Протасова 1962 — Protasova K. S. “Fridrikh Gel'derlin, ego vremia, zhizn' i tvorchestvo” [Friedrich Hölderlin, His Time, Life, and Work]. *Uchenye zapiski MGPI im. V. I. Lenina* [Scientific Notes of Lenin's MSPI]. 180, 1962: 3–226. (In Russian)
- Чуловский 2013 — Chulovskiy B. S. “Osnovnye etapy retseptsii tvorchestva F. Gelderlina v Rossii v XX veke” [The Primary Stages of Reception of the Work of Friedrich Hölderlin in 20th Century Russia]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Issues of Theory and Practice]. 7 (Part 2), 2013: 204–213. (In Russian)